

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

КОВАЛЕВА Светлана Викторовна

доктор философских наук, профессор
кафедры философии, культурологии
и социальных коммуникаций
Костромского государственного университета,
Кострома, Российская Федерация

Svetlana V. KOVALEVA

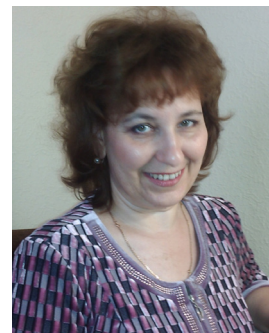
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,

Kostroma State University,

Kostroma, Russian Federation,

sweta.lana1968@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6259-3794

УДК 165.17:1(091)(4-15+470+571)
ГРНТИ 13.07.21
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.004

**Априоризм как основа
духовности в философском
наследии Европы и России:
этический аспект**

**Apriorism as the Basis of Spirituality
in the Philosophical Heritage
of Europe and Russia:
An Ethical Aspect**

Статья призвана определить значение нравственного компонента априорности в философском наследии И. Канта, В. С. Соловьева и М. Шелера и выявить потенциал соответствующих концепций в аспекте совершения нравственного выбора. Исследование основано на трудах перечисленных мыслителей и результатах научных изысканий современных философов. Для каждой из рассмотренных концепций установлено значение чистых априорных категорий и чувственного опыта в нравственном выборе. Эволюция осмысления априорных форм в европейском и отечественном философском наследии заключалась в движении от кантовского формализма к пониманию априорности как целостной установки, определяющей предпочтение человеком одних ценностей другим. Подчеркнута актуальность проанализированных про-

изведений философского наследия для современной моральной практики. Моральный выбор должен осуществляться личностью, нравственно-априорные основания которой актуализируются посредством чувственно-эмоционального переживания этических ценностей.

Ключевые слова: духовность, априорные категории, трансцендентализм, рассудок, нравственные чувства, стыд, жалость, благочестие, феноменологическая редукция, ценности.

На современном этапе развития философской мысли все чаще и чаще возникает необходимость осмысления духовности как сущностной особенности человека. Многие авторы убеждены в том, что именно кризис духовности как внутренней основы сознательной деятельности личности является истинной причиной процессов разрушения внешних форм социальности, проявляющихся в экономической, финансовой, политической сферах. В частности, А. Н. Швечиков в своей статье «Религия и духовность: историко-методологический аспект» замечает, что кризис социальности «породила “культура” постмодерна, растлившая человеческий дух, поправшая нравственный закон, поставившая на пьедестал умственный примитивизм и похоть человеческого тела. В этой культуре духовные потребности накрываются плотской распущенностью, нравственные критерии отбрасываются как основы, мешающие “свободной” жизни» [20, с. 82].

Представление об априорности как фундаментальном свойстве духовности, которое проявляется в познавательной деятельности человека как субъекта, впервые рассмотрено и обосновано И. Кантом. Исследование априорности впоследствии было продолжено многими философами. В частности, Г. В. Ф. Гегель рассматривал это понятие в качестве «подлинной, рефлексированной в самое себя и поэтому опосредствованной в себе непосредственности мышления» [5, с. 97]. Источником априорной способности человека он считал свободу мышления.

Британские философы Дж. С. Милль [15], Г. Спенсер [19] доказывали положение о том, что априорная основа познания, определенная логической необходимостью, есть привычка, которая укоренилась в сознании в процессе развития человечества. Поэтому знание,

априорное и самоочевидное, является физиологической способностью к определенным ассоциациям.

Психофизиологическое понимание априорности как формы чувственного опыта, организованного рассудком, встречается в трудах неокантианцев Г. Гельмгольца [6], Ф. Ланге [13]. Философы полагали, что целостность психологической природы человека в качестве познающего субъекта определяется физиологией внешней чувственности. В то же время организация мышления, ориентированного на получение знаний, служит источником процесса формирования априорных категорий, которые имеют значение исключительно в границах чувственного опыта.

Г. Коген [12] и П. Наторп [16] рассматривали характеристику чистого мышления, содержащего априорные категории, в качестве единственного истинного источника познания как по формальным признакам, так и по содержательному наполнению. В Виндельбанд считал, что ценности носят трансцендентальный характер, в силу этого являются общезначимыми и представляют собой определенную форму априорного синтетического знания. Априорный характер ценностей признавал и Г. Риккерт [17], однако рассматривая их реализацию в познавательном процессе, он полагал, что ценности при формировании субъективированного представления о предмете гарантируют истинное знание.

Феноменологическое понимание априорности как определенной структуры чистого сознания и условий мыслимости объектов материального мира вне зависимости от их применения изучал Э. Гуссерль [7]. По его мнению, феноменология как первая философия способна созерцать сущность априорных истин и чистых смыслов, которые могут быть как возможными, то есть мыслимыми,

так и актуально представленными в языковой форме. Русская неокантианская школа в лице А. И. Введенского [3] и И. И. Лапшина [14] рассматривала априорность как основу логического познания, которая носит научно-математический характер. Именно в чистоте априорности и кроется источник истинности познавательного процесса.

На современном этапе развития философской мысли проблема априорности является также актуальной и интересной для многих исследователей. В частности, А. А. Алхасов, критикуя на базе учения М. Шелера этический формализм И. Канта, утверждает, что весьма важно создать аксиологическую концепцию, в которой внутренний мир человека будет открываться во всем своем ценностном и эмоциональном многообразии [2]. К. Абишев в работе «К вопросу об истоках кантовского априоризма» [1] утверждает, что априорные основания, охарактеризованные И. Кантом, проявляются прежде всего в творческом процессе человека, в котором познавательный компонент рассматривается только как его часть. Изучая особенности материальной этики М. Шелера как продолжение проблемы априорности, поставленной в философии И. Канта, А. А. Шиян заключает, что эти учения близки в понимании безусловности и неизменности априорных структур, которые остаются едиными для всего человечества в процессе его исторического существования. В то же время, выявляя особенности учения М. Шелера, автор пишет, что «материальное априори познаваемо с помощью сущностной интуиции, которая выступает... особым феноменологическим опытом» [22, с. 129].

В статье Е. В. Золотухиной-Аболиной «Судьба “априори” после Канта: М. Шелер и М. Дюфрен» утверждается необходимость пересмотра априорности как формальной структуры, определяющей процесс мировосприятия в учении И. Канта. Переосмысление этой трансцендентальной формы реализуется в учении М. Шелера, который наполняет ее ценностным содержанием. В философии М. Дюфрена доопытные структуры непосредственно связаны с чувственно-эмоциональным переживанием художественных образов, существующих как в материально-природной сфере бытия, так

и в искусстве [9]. Такие современные авторы, как В. П. Думцев [8], О. А. Вольнякова [4], размышляя о рационализме этики И. Канта, приходят к выводу, что ее формализм преодолевается в учении В. С. Соловьева, раскрывающего идеал чувственной природы человека как совокупность отвлеченных начал.

Таким образом, краткий обзор исследований, посвященных проблеме априорности, показывает, что данное качество характеризует мышление человека, который, выступая в роли субъекта, изучает мир через призму этики чистых форм созерцания. Социокультурные различия России и Запада, а также динамика изменения направленности философской интуиции в последние столетия, определяют интерес к анализу эволюции априоризма как фундамента духовности в наследии зарубежных и отечественных философов, которые на протяжении XVIII–XX вв. создавали концепции, отражавшие мировоззренческие установки, свойственные каждому столетию. Очень важной представляется также проблема практического использования нравственных установок, присущих философским учениям различных эпох, в современной этической практике, характеризующейся плюрализмом форм и способов нравственного мышления и поведения.

Задачей данной статьи является необходимость выявить значение нравственной составляющей априорности в философском наследии И. Канта, В. С. Соловьева и М. Шелера и определить возможности использования соответствующих концепций при выборе моральной позиции человека в современном динамично меняющемся мире. Материалами исследования послужили труды перечисленных мыслителей, а также работы современных ученых, касающиеся научного анализа их наследия. Историко-философская направленность и тесная связь с проблематикой этического характера предопределила методологическую основу исследования, особенно продуктивными стали методы философской компаративистики и аксиологический подход, позволившие соотнести ценности и идеи, свойственные анализируемым концепциям рассматриваемых философов.

Для достижения целей исследования необходимо в первую очередь изучить насле-

дие И. Канта в аспекте анализа идей, связанных с априорными формами, при этом особое внимание следует обратить на кантовские тезисы, касающиеся практической деятельности человека, его практического разума как основы априорности, а также значения нравственного закона в этой деятельности. Последующее обращение к философскому наследию В. С. Соловьева, представленному в произведении «Оправдание добра» [18], позволит определить взгляды мыслителя на нравственную природу человека и элементы этического характера, составляющие онтологическую основу его личности. В заключение необходимо коснуться содержания работ М. Шелера, затрагивающих различные аспекты этики ценностей и непосредственно связанных с проблематикой априоризма, в частности, важно провести сравнение его установок с этическими идеями И. Канта по критерию выявления отношения человека к окружающему миру. В наследи каждого рассматриваемого мыслителя важно выявить значение чистых априорных категорий и чувственного опыта в нравственном выборе. Применение выявленных обобщений в современной нравственной практике послужит выводом исследования.

Значение исследования определяется отраженным в нем анализом сущности априоризма как основы духовности, который будет способствовать выявлению и обоснованию априорно-онтологического фундамента, а также определению того содержания, которое соответствует функционально-деятельностным актам сознания, обеспечивающим реализацию духовности в процессуальности жизни.

Необходимо напомнить, что И. Кант, выявив априорные формы на основе анализа познавательной деятельности субъекта, пришел к выводу, что мышление в его трансцендентальном виде, ориентированное на получение знаний о предметах материального мира, утрачивает «чистоту». Это связано с тем, что, обладая функцией синтеза, трансцендентальная форма мышления неизбежно должна соединять, объединять показания внешней чувственности, образуя в итоге представление о предмете. Новое знание о мире и явлениях, его наполняющих, согласно гносеологическим представлениям И. Канта, возникает всегда

только на основе чувственно-эмпирического опыта, который выступает основой синтетических суждений, а priori образующихся в результате деятельности трансцендентальной формы мышления, содержащей необходимый для этого категориальный аппарат.

Именно в силу отсутствия «чистоты» и полной зависимости от показаний внешней чувственности априорность мышления не в состоянии познать сущность предметов и явлений, остающихся «вещами-в-себе», то есть в онтологическом смысле трансцендентальная форма как особая способность субъекта не реализует свой духовный потенциал. Именно по этой причине И. Кант переходит от анализа познавательной деятельности человека как главного предмета изучения философии к его практической деятельности, осуществляющейся в повседневной жизни. По мнению философа, именно в своей практической форме априорность остается чистой, ибо объектом воли в данном случае становится Бог и созданный Им нравственный закон. Можно сказать, что сама нравственная основа жизни создается трансцендентальной формой мышления в ее практическом применении (И. Кант называет эту форму «практическим разумом»), основанном на чистоте априорности. Необходимо заметить, что именно практический разум дает всеобщий закон деятельности как высший практический принцип для воли, поскольку он формируется в сознании человека чистой формой трансцендентальности и не может быть выведен эмпирическим путем на основе чувственного опыта.

Сам нравственный закон, будучи чистым и никак не связанным с материальностью мира и человека, создан Богом. В частности, об этом философ пишет: «Бог может быть выражен только в понятии морального творца мира, ибо только это понятие указывает нам конечную цель, к которой мы можем считать себя причастными лишь в той мере, в какой мы поступаем сообразно с тем, что возлагает на нас как конечную цель моральный закон, к чему он, следовательно, нас обязывает» [10, с. 314]. Можно сказать, что Бог создает моральный закон как одну из множества идей мироздания, а в чистоте априорности трансцендентальной формы мышления человека она, как

в зеркале, отражается, образуя ноумен сознания. Таким образом, человек обладает способностью видения морального закона в форме ноумена своим практическим разумом, потому что этот закон априорно присутствует в его сознании. В итоге Бог непосредственно, а человек опосредованно через усилия своего практического разума, одинаково обладают ноуменом, представленным моральным законом, как идеей мировой гармонии (См. [11]).

Подчеркнем, что философ убежден в необходимости чистоты трансцендентальной формы мышления, в отсутствии какого бы то ни было, даже положительного, чувственного содержания этой формы, считая, что чистота воли или практического разума обеспечит наиболее возможное и полное осуществление блага, идеала общественного развития. И. Кант настаивает на том, что самое благое побуждение, вызванное тем или иным чувством, например, милосердием, морально обесценивает поступок, мотивированный таким побуждением, нарушается чистота воли или практического разума, который должен выносить суждения для деятельности субъекта исключительно в незамутненной своей формальности.

В отличие от И. Канта русский философ XIX в. В. С. Соловьев считал, что обоснованная немецким ученым чистая априорность является необходимым, но не достаточным условием осуществления идеи добра как общего блага. Сам В. С. Соловьев в труде «Оправдание добра» [18] выявил основы нравственной, материально-плотской природы человека, которые составляют содержание чистой формы и, возведенные в закон долженствования, определяют принципы воли, руководствуясь которыми субъект осуществляет полноту добра в своей жизни. Анализируя чувственно-телесную организацию человека, философ приходит к выводу, что существуют три главных нравственных чувства, которые характеризуют онтологическую основу личности и которые представлены стыдом, жалостью и благочестием.

Чувство стыда, проявляющееся у каждого человека, показывает его отношение к низшей, плотской природе своего существа и «имеет то принципиальное значение, что им

определяется этическое отношение человека к материальной природе. Человек стыдится ее господства в себе или своего подчинения ей (особенно в ее главном проявлении) и тем самым признает относительно ее свою внутреннюю самостоятельность и высшее достоинство, в силу чего он должен обладать, а не быть обладаемым ею» [18, с. 131]. Так как обоснованный И. Кантом формальный принцип долженствования носит всеобщий характер, то определенное этим принципом чувство стыда возводится в универсальный нравственный закон аскетизма, который формирует волю человека и направляет его осуществлять деятельность духовного характера против отрицательных проявлений плоти. Тем самым духовность человека, освобожденная от посягательств материальной природы, способна утверждать себя как высшее творческое начало, содержащее априорные трансцендентальные категории, участвующие в формировании духовно-нравственных качеств личности.

Чувство жалости, или сострадания, по мнению В. С. Соловьева, представляет собой «естественный корень нашего нравственного отношения к другим» [18, с. 163]. И если человек, не имеющий стыда, уравнивается с животными, то не имеющий жалости падает ниже животного уровня, ибо и другие живые существа способны испытывать подобные чувства. Философ считает, что чувство жалости, или сострадания, способствует признанию того, что другой человек или иное живое существо имеют одинаковое право на жизнь, пользование ее благами. Оправдание этого чувства логически, формальным законом долженствования приводит к созданию еще одного правила для воли — принципа альтруизма. Этот принцип, по мнению философа, должен мотивировать волю субъекта для осуществления деятельности, направленной на творение блага всем живущим, распространяя идею добра на материально-физическую сферу бытия. В частности, русский мыслитель пишет, что «все проявления жалости и вытекающего из нее альтруизма существенно обусловлены равенством, а неравенство является в них лишь случайным и преходящим моментом... Признавая другого равным себе, страдающий

сравнивает его состояние с такими же своими и из их одинаковости выводит нравственную обязанность участия и помощи» [18, с. 185].

И третье нравственное чувство, характеризующее плотскую природу человека, по представлению В. С. Соловьева, выражено чувством благочестия, которое позволяет ему правильно, иерархически грамотно выстроить отношения с Богом как Творцом всего сущего. Философ утверждает, что это чувство является универсальным и характеризует природу любого человека, ибо «признание высшего над собою не зависит ни от каких определенных представлений ума и, следовательно, ни от каких положительных верований, а в общности своей оно несомненно обязательно для всякого разумно-нравственного существа» [18, с. 194]. Каждый человек как субъект духовно-нравственной деятельности способен воплощать идею добра только в том случае, если признает ее объективность и верит в этический порядок мироздания, который создан высшей Личностью — Богом-Творцом. Чувство благочестия как природно-нравственная добродетель, опосредованная логикой должностования, которая выражена априорностью категорий и представлена чистым императивом И. Канта, возводится в принцип пиетизма, служащий правилом для воли человека.

Таким образом, В. С. Соловьев, создавая свою этическую концепцию оправдания идеи добра как результата деятельности формальной трансцендентальной логики мышления, обоснованной И. Кантом, предлагает дополнить ее чистоту, главный недостаток системы, выявлением нравственных качеств материально-плотской природы человека. К таким качествам относятся чувства стыда, жалости, благочестия, которые в своей совокупности составляют содержание априорных категорий духовности, определяя целостность человека как единство его физической и метафизической сфер бытия.

Чистоту априорных категорий, которые, согласно И. Канту, характеризуют трансцендентальную форму мышления человека, критиковал и немецкий философ XX в. М. Шелер. Мыслитель был убежден в том, что чувственно-содержательное наполнение априорных категорий не способно дать адек-

ватную характеристику духовности человека и тем самым раскрыть сферу ценностей, которые по праву являются истинным предметом изучения феноменологической этики. По мнению философа, «всякий нефеноменологический опыт (то есть опыт, в основании которого отсутствует феноменологическая редукция как метод созерцания ценностей. — С. К.) принципиально является опытом, осуществляющимся посредством каких-либо символов, то есть — опосредованным опытом, который никогда не дает “сами” вещи. Только феноменологический опыт принципиально асимволичен и именно поэтому способен исполнить все символы, какие только возможны» [21, с. 269]. По сути, философ указывает, что заслуга И. Канта не в том, что он выявил и обосновал априорные категории трансцендентальной формы мышления как саму духовность, а значит, истинную характеристику человека, ибо ее формальность безжизненна, в ней самой ценности нет. Чистые категории как основа трансцендентальности — это только способности, которые надо развивать и наполнять особым, феноменологическим опытом, находящимся в противоречии с опытом символическим, то есть опосредованным чувственностью человека.

Подчеркнем, что для М. Шелера основанием применения феноменологической редукции в опыте постижения ценностей является целостность человека, который, будучи наделен свободой, противостоит миру. Именно *отношение* человека к миру характеризует его целостность и тем самым является мотивом применения априорных форм в практике жизни. По мнению философа, отношение И. Канта к миру можно «описать только как совершенно изначальную “враждебность” или “недоверие” ко всему “данному” как таковому, страх и ужас перед ним как перед “хаосом” — “[перед] внешним миром и внутренней природой”»; таково выраженное в словах отношение Канта к миру, и “природа” поэтому становится тем, что следует оформить, организовать, чем следует “овладеть”, она — “враждебное”, “хаос” и т.п. Таким образом, налицо именно полная противоположность любви к миру, доверия, созерцательной и любящей самоотдачи ему, т.е. в основе своей только ненависть к миру,

с такой силой пронизывающая образ мыслей современного [moderne] мира, принципиальное недоверие к нему; и следствие этой установки — безграничная потребность в действии, с тем, чтобы “овладеть” или “организовать” его...” [21, с. 286].

Таким образом, автор материальной этики ценностей утверждает, что враждебное отношение к миру предполагает потребительское его использование посредством организации чувственности с помощью «формирующего», «законодательствующего рассудка», который приводит в порядок влечения человека и организует его волю. Именно мотив «использования» определяет процесс применения априорных категорий трансцендентальной формы мышления, которую М. Шелер называет рассудком. Другими словами, в том случае, если человек ориентирован по отношению к миру потребительски, с целью использования его благ для удовлетворения влечений, то разумная форма мышления не актуализируется, но проявляется рассудочная, называемая И. Кантом трансцендентальной, чистые категории которой осуществляют синтез чувственных восприятий. Как следствие, происходит упорядочение, а по сути, разрушение целостности и гармонии мира в соответствии с этими эгоистическими мотивами.

М. Шелер убежден в том, что истинные ценности носят духовно-феноменальный характер, они образуют определенную иерархию и их можно только созерцать в акте феноменологической редукции. Причем человек, созерцающий ценности, свободно выбирает, какими из них руководствоваться в своей практической жизни на основе *предпочтения*. В этом свободном акте нет никакой чувственной мотивации, потому что человек, пребывая во внутренней целостности, относится к миру нравственно, с любовью, принимая его со всеми его пороками и не желая его изменять. Это отношение меняет вектор применения априорного категориального аппарата мышления, направляя его в метафизическую сферу и созерцая ценностную иерархию. Здесь, если говорить образно, чистота априорности является своеобразным зеркалом, в котором отражается мир ценностей, и человек на основе свободного предпочтения сам для себя выби-

рает тот их порядок, который соответствует его способностям и смыслу жизни.

Таким образом, по М. Шелеру, человек может изменить только сам себя, созерцая ценностную иерархию и выстраивая ее для себя через выбор-предпочтение, а потом уже воплощать ее в своей жизни, наполняя смыслом каждый поступок. И в этом процессе нет никаких каузальных связей, ибо новый временной вызов будет требовать от человека новых свершений на основе ценностных предпочтений. Рассуждая об этом, философ пишет: «Существуют специфически “критические” нравственные характеры — они становятся крайне “аскетическими”, — которые реализуют то, что некоторые ценности выступают как более высокие только через “пренебрежение”; им противостоят позитивные характеры, которые только “предпочитают” и для которых “низшие” ценности становятся видимыми только с той вершины, которой они достигли в предпочтении. В то время как первые стремятся к “добродетели” в борьбе против “пороков”, вторые как бы погребают пороки под вновь приобретенными добродетелями» [21, с. 307].

Заканчивая исследование, необходимо отметить, что априоризм И. Канта, будучи формальным в своей сущности, является первоначальным этапом становления и формирования облика человека. Обладая выбором, он может принять за истину систему немецкого философа и строить свою жизнь на основе чистого, формального долженствования, которое сформулировано в виде категорического императива. Следуя за И. Кантом, принимая его учение за авторитет, безусловно, человек пройдет путь своего становления как трансцендентального субъекта, морально-этически ориентированного на воплощение общественно-полезного блага. Можно осуществить выбор в пользу учения В. С. Соловьева, применившего рационализм и отвлеченность И. Канта в оправдании чувственно-телесной природы человека, обладающей положительными, нравственными началами. Однако наиболее сложный и ответственный выбор, на наш взгляд, будет соответствовать предпочтению учения М. Шелера, который обосновал возможность применения феноменоло-

гической редукции в сфере этики. Признавая объективное, иерархически организованное бытие ценностей, философ показал онтологическую, априорно-трансцендентальную открытость человека этому уровню, а также невозможность обоснования каких-либо гарантий «правильного» выбора ценностей. Это связано с тем, что любой выбор всегда будет правильным только в том случае, если человек сможет взять за него ответственность, изменяя исключительно свой внутренний мир, преобразовывая его на основе феноменальных ценностей.

Результаты исследования определяют его научную новизну, состоящую прежде всего в описании альтернативных возможностей морального выбора в условиях плюрализма концепций, характеризующих априорность как основу духовности и этического сознания. В целом осмысление априорных форм на протяжении почти трех столетий развития запад-

ноевропейской и отечественной философии демонстрирует достаточно четкую линию эволюции, в основе которой лежит формальный закон долженствования И. Канта, впоследствии получивший критическую оценку в трудах российских и зарубежных мыслителей. Основным содержанием этой эволюции стало движение от кантовского формализма в сторону понимания априорности как целостной установки, определяющей предпочтение человеком одних ценностей другим и способствующей тем самым формированию иерархии личностных ценностей. Таким образом, значение априоризма и априорных форм как фундаментальных оснований человеческой нравственности подчеркивалось всеми мыслителями, наследие которых было рассмотрено в данном исследовании, однако их философский смысл и специфические характеристики претерпели заметные метаморфозы на протяжении трех веков.

Svetlana V. KOVALEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation,
sweta.lana1968@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6259-3794

Apriorism as the Basis of Spirituality in the Philosophical Heritage of Europe and Russia: An Ethical Aspect

Abstract. The article aims to establish the meaning of the moral component of apriorism in the philosophical heritage of Immanuel Kant, Vladimir Solovyov, and Max Scheler, and to determine the possibility of using appropriate conceptions when choosing the moral position of a person in modern culture. The research material was writings by the mentioned thinkers and research analysing their heritage by modern scholars. The methodology is based on the principles of philosophical comparative studies and an axiological approach, which allowed comparing the values and ideas inherent in the conceptions of the three philosophers. The author examines Kant's heritage in the aspect of the analysis of ideas related to a priori forms and pays special attention to Kant's theses related to the practical activities of a person as basic apriorism and the importance of moral law in this activity. The author next turns to the philosophical heritage of Solovyov and identifies his views on the elements of an ethical nature that make up the ontological basis of the philosopher's personality. She further analyses works by Scheler, which allowed comparing his view with Kant's ethical ideas by the criterion of revealing a person's attitude to the surrounding world. The value of pure a priori categories and sensory experience in moral choice is established for each of the considered conceptions. The author concludes that the comprehension of the meaning of a priori forms in the European and domestic philosophical heritage during almost three centuries demonstrates a sufficiently clear evolution based on Kant's formal law of duty, which later received a critical assessment in the works of Russian and

foreign thinkers. The main content of this evolution was a departure from Kant's formalism towards understanding apriorism as a holistic attitude, which determines a person's preference for some values to others and thus contributes to the formation of a hierarchy of personal values. The three thinkers emphasised the importance of apriorism and a priori forms as fundamental foundations of human morality; however, the philosophical meaning and specific characteristics of the forms changed noticeably throughout the three centuries. Based on her research, the author emphasises the relevance of the examined works for modern moral practice. The individual must be not only a subject of cognitive activity but also a person, whose moral and a priori foundations are actualised through the sensual and emotional experience of ethical values.

Keywords: spirituality, a priori categories, transcendentalism, reason, moral feelings, shame, pity, piety, phenomenological reduction, values.

Использованная литература:

1. Абишев К. К вопросу об истоках кантовского априоризма // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 176–184.
2. Алхасов А. А. Критика Максом Шелером кантовского формализма в этике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 32–35.
3. Введенский А. И. Логика как часть теории познания. 3-е изд., перераб. Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1917.
4. Вольнякова О. А. Рациональная этика И. Канта и критика ее формального характера в трудах В. Соловьева // Этика и история философии: материалы II междунар. науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 18 ноября 2016 г.) / отв. ред. Н. В. Медведев, А. Н. Алленов, Е. Е. Медведева. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2016. С. 143–147.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974.
6. Гельмгольц Г. О зрении человека. Новейшие успехи теории зрения. М.: Либроком, 2011.
7. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций. 3-е изд., испр. и перераб. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018.
8. Думцев В. П. Этика идеала Вл. Соловьева versus этика долга Канта // Соловьевские исследования. 2014. № 3 (43). С. 19–32.
9. Золотухина-Аболина Е. В. Судьба «априори» после Канта: М. Шелер и М. Дюфрен // Кант, классика, современность: материалы конф. «Европейская философия: до и после Канта», посвящ. 290-летию со дня рождения И. Канта (г. Ростов-на-Дону, 24 октября 2014 г.). М.; Берлин, 2015. С. 23–33.
10. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО, 1994.
11. Ковалева С. В., Мастеров Д. В. Свобода и социальная гармония // Научный журнал. Философия и культура. 2017. № 11 (119). С. 97–104.
12. Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В. Н. Белова. М.: Академический проект, 2012.
13. Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб.: Изд. Пантелеева, 1899.

References:

1. Abishev, K. (2019) To the Question of the Origins of Kant's Apriorism. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 176–184. (In Russian). DOI: 10.31857/S004287440003883-6
2. Alkhasov, A.A. (2015) Max Scheler's Criticism of Kantian Formalism in Ethics. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2 (62). pp. 32–35. (In Russian).
3. Vvedenskiy, A.I. (1917) *Logika, kak chast' teorii poznaniya* [Logic as Part of the Theory of Cognition]. 3rd ed. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha,
4. Vol'nyakova, O.A. (2016) [Kant's Rational Ethics and Criticism of Its Formalism in the Works of V. Solovyov]. *Etika i istoriya filosofii* [Ethics and History of Philosophy]. Proceedings of the International Conference. Tambov. 18 November 2016. Tambov: Tambov State University. pp. 143–147.
5. Hegel, G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [The Encyclopaedia of the Philosophical Sciences]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
6. Helmholtz, H. (2011) *O zrenii cheloveka. Noveyshie uspekhi teorii zreniya* [On Human Vision. The Latest Advances in the Theory of Vision]. Translated from German. Moscow: Librokom.
7. Husserl, E (2018). *Ideya fenomenologii: Pyat' lektsiy* [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. Translated from German. 3rd ed. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
8. Dumtsev, V.P. (2014) Vl. Solovyov's Ethics of Ideal Versus Kant's Ethics of Duty. *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov Studies*. 3 (43). pp. 19–32. (In Russian).
9. Zolotukhina-Abolina, E.V. (2015) [The Fate of "A Priori" After Kant: M. Scheler and M. Dufrenne]. *Kant, klassika, sovremennost'* [Kant, Classics, Modernity]. *Evropeiskaya filosofiya: do i posle Kanta* [European Philosophy: Before and After Kant] Conference Proceedings. Rostov-on-Don. 24 October 2014. Moscow; Berlin: Direkt-Media. pp. 23–33. (In Russian).
10. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. In: *Sochineniya v 8 t.* [Works in 8 Volumes]. Translated from German. Vol. 5. Moscow: ChORO.
11. Kovaleva, S.V. & Masterov, D.V. (2017) Freedom and Social Harmony. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*.

14. Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. СПб.: Тип. Безобразова, 1906.
15. Милль Дж. С. Система логики. 5-е изд. доп. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1878.
16. Наторп П. Кант и Марбургская школа // Наторп П. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2006. С.??
17. Риккерт Г. Философия истории. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1908.
18. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012.
19. Спенсер Г. Основные начала. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1897.
20. Швечиков А. Н. Религия и духовность: историко-методологический аспект // Власть. 2009. № 6. С. 82–85.
21. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994.
22. Шиян А. А. Основные предпосылки критики М. Шелером этики Канта // XII Кантовские чтения. Кант и этика Просвещения: исторические основания и современное: тез. докл. междунар. науч. конф. (г. Калининград, 21–25 апреля 2019 г.) / под ред. Н. А. Дмитриевой, В. А. Чалого. Калининград, 2019. С. 128–129.
- 11 (119). pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0757.2017.11.23200
12. Cohen, H. (2012) *Teoriya opyta Kanta* [Kant's Theory of Experience]. Translated from German by V.N. Belov. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. Lange, F.A. (1899) *Istoriya materializma i kritika ego znacheniya v nastoyashchee vremya* [History of Materialism and Critique of Its Present Importance]. Translated from German. St. Peterburg: Izd. Panteleeva.
14. Lapshin, I.I. (1906) *Zakony myshleniya i formy poznaniya* [Laws of Thinking and Forms of Knowledge]. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova.
15. Mill, J.S. (1878) *Sistema logiki* [System of Logic]. Translated from English. 5th ed. St. Petersburg; Moscow: M.O. Vol'f.
16. Natorp, P. (2006) Kant i Marburgskaya shkola [Kant and the Marburg School]. In: *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego.
17. Rickert, H. (1908) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Translated from German. St. Petersburg: Tip. tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za.
18. Solov'ev, V.S. (2012) *Opravdanie dobra* [The Justification of the Good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm.
19. Spencer, H. (1897) *Osnovnye nachala* [First Principles]. Translated from English. St. Petersburg: Izdanie L. F. Panteleeva.
20. Shvechikov, A.N. (2009) *Religiya i dukhovnost': istoriko-metodologicheskii aspekt* [Religion and Spirituality: A Historical and Methodological Aspect]. *Vlast' – The Authority*. 6. pp. 82–85.
21. Scheler, M. (1994) *Formalizm v etike i material'naya etika tsennostey Scheler M.* [Formalism in Ethics and Non-Formal Ethics of Values]. In: Denezhkin, A.V. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis.
22. Shiyani, A.A. (2019) [The Main Premises of M. Scheler's Criticism of Kant's Ethics]. *XII Kantovskie chteniya. Kant i etika Prosveshcheniya: istoricheskie osnovaniya i sovremennoe znachenie = 12th Kant Readings. Kant and the Ethics of Enlightenment: Historical Roots and Contemporary Relevance: Abstracts of the International Conference*. Kaliningrad. 21–25 April 2019. Kaliningrad: Baltic Federal University. pp. 128–129. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ковалева, С. В. Априоризм как основа духовности в философском наследии Европы и России: этический аспект / С. В. Ковалева // Наследие веков. – 2021. – № 3. – С. 54–63. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.004

Full bibliographic reference to the article:

Kovaleva, S. V. (2021) Apriorism as the Basis of Spirituality in the Philosophical Heritage of Europe and Russia: An Ethical Aspect *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 54–63. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.004